

Глава 7

Крестьянская биография

Все следующие главы этой книги посвящены рассказам об уникальных памятниках — своеобразных автобиографиях алтайского крестьянина и оренбургского казака. Первая относится к середине XVIII в., вторая — к середине XIX. Первая составила книжечку в 26 листов в четверку, вторая — большой том в 231 лист. Первая написана в странном жанре: это составленный зачем-то для себя перечень грехов, совершенных за всю долгую жизнь; вторая написана в традиционнейшем жанре жития святого. Первая была сожжена по приговору суда, но архивные материалы помогают историку восстановить почти каждую фразу ее; вторая привезена археографической экспедицией.

Но обе они содержат рассказы о жизнях ярких, нестандартных. Герои этих биографий были людьми деятельными, активными, исходившими немало самых разнообразных и подчас очень отдаленных мест. Их судьбы — наглядное опровержение расхожего мнения о том, что рутинность крестьянского быта, консервативный характер мирских организаций привели к тому, что наши села были сплошь заполнены лишь людьми узкого кругозора, ничего кроме своего тяжелого труда не знавшими.

* * *

В декабре 1760 г. в поле зрения барнаульского духовного заказчика Дометия Комарова попал житель деревни Малой Кармацкой (Мыльниковой) Белоярской слободы Артемий Лаврентьев сын Сакалов, кабинетский приписной крестьянин. Д. Комаров был нрава решительного, любил искоренять раскол и уличать светские власти в небрежении к государственному и церковному интересу. Эти его качества оказали немалое влияние на дальнейшую судьбу 73-летнего А. Сакалова; в отличие от этого последнего исследователи нашего времени должны быть благодарны барнаульскому заказчику, ибо его служебное рвение помогло сохранить для науки любопытнейший человеческий документ, осевший в фонде Тобольской консистории.

Артемий привлек внимание приходского духовенства из-за своего упорного нежелания идти к церковной исповеди и причастию, что было характерно для старообрядцев. В его доме был произведен обыск, и в результате 27 ноября 1760 г. он был под арестом отправлен в Барнаул для следствия о «содержании за ним потаенного раскола». Вчитываясь в захваченные у А. Сакалова рукописи, Д. Комаров мог бы

заметить крайнюю сомнительность такого обвинения (в сибирской столице позднее от него пришлось отказаться). Однако барнаульский заказчик предпочел активно поддержать эту версию да еще от себя добавил страшное обвинение в государственной измене в соответствии с пунктом первым зловещего указа о «слове и деле» (умысел на государево здоровье).

После краткого допроса Д. Комаров отправил крестьянина в Тобольскую консисторию под строгим конвоем; расцвечивая стандартные формулы ордера конвоирам, он приказывает им «хранить его (А. Сакалова. — Н. П.) недремлющим оком и быть над ним всегда с обнаженной шпагой». Пропутешествовавший через пол-Сибири с обнаженной шпагой над головой крестьянин был благополучно сдан конвоирами 13 января 1761 г. в тобольскую тюрьму. Там его не тревожили почти полгода, пока шел бюрократически-неторопливый сбор сведений об его алтайской жизни. Сведения эти собирались по приказанию главы сибирского духовенства митрополита Павла Конюсевича, которого Екатерина II характеризовала как «гонителя, изувера, фанатика». Павел жесткими мерами утверждал свое понимание порядка, наказывал церковнослужителей шпицрутенами за пропуск службы, самовольно посылал военные команды для искоренения раскола, был в остром конфликте с сибирскими губернаторами. Рвение Дометия Комарова пришлось ему по душе, но и он хорошо понимал, что следствие по «слову и делу» принадлежит светским властям. Поэтому когда из Барнаула поступили, наконец, сведения о предыдущей жизни Артемия Сакалова, его 6 июня 1761 г. в консистории слегка допросили и тут же отправили со всеми документами в Сибирскую губернскую канцелярию для секретного следствия о делах политических.

Через неделю светские власти, дотошно допросив А. Сакалова, убедились, что указ о «слове и деле» не имеет к нему никакого отношения, но зато вскрыли целый ворох дел, подлежащих церковному суду. А. Сакалова вернули консистории, где опять не торопились со следствием.

Желая приучить А. Сакалова к посещению церковной службы, консисторские власти в конце концов согласились даже, чтобы колодник «без всякого смотрения и наблюдательства к церкви святей ходил». Некоторое время он радовал следивших все же за ним низших чинов консистории внезапно пробудившимся интересом к церкви, но 24 марта 1762 г. «по отслушании святой литургии... неведомо куда тайным образом збежал» из церкви. В 28 духовных заказов Тобольской епархии были посланы грозные указы о розыске беглеца, вскоре пришло 28 ответов о безуспешности поисков.

Артемию удалось унести ноги и от светских, и от духовных судей просвещенного абсолютизма.

***

В Тобольске осталось только дело о нем. Из него, в частности, видно, что при аресте в его деревенском доме были конфискованы несколько старопечатных книг, включая Псалтырь, рукописные Святцы и 7 тетрадок, исписанных его рукою. Упорно отказывавшийся от церковной исповеди и зачем-то сам записывавший свои грехи Артемий немало потрудился, переписав «Чин исповедания», принятый и в синодальной Церкви, и в старообрядчестве. Грамотный крестьянин сделал также немало выписок из книг византийских авторов и из русских сборников их сочинений, а также полностью скопировал приписываемое Иоанну Златоусту обширное «Исповедание православным царем и князем и вельможем и всем христианом» на крайне необходимую для самого Сакалова тему «о еже не упиватися».

Одна из отобранных у Сакалова тетрадок и явилась причиной невольного его путешествия сначала в Барнаул, а затем в Тобольск. На ее листах крупным полууставом Артемий записал грехи своей долгой жизни — какие мог вспомнить, когда 67 лет от роду он принялся за эту работу, растянувшуюся на три года. На следствии он сообщил, что запись эту делал, желая позднее исповедаться по ней у священника, «однако ж чрез три лета нигде по ней не исповедывался».

На окраинах, где частая исповедь не всегда была осуществима, Церковь рекомендовала при долгих отлучках записывать свои грехи, чтобы потом не забыть сказать о них священнику. Затрудненность исповеди в поповских направлениях раскола приводила иногда к такой же практике. Но случай с А. Сакаловым был особый. За всю свою жизнь он лишь три раза побывал у исповеди и ни разу у причастия. Записав свои грехи в тетрадку, он так и не исповедовался по ней в церкви и должен был приложить немало стараний, чтобы из года в год хитростью противостоять попыткам приходских священников затащить его на исповедь. Митрополит Павел нарядил даже специальное следствие, чтобы узнать, как удавалось Артемию обойти систему исповедального контроля и учета. Оказывается, Артемий то скрывался от священников, то объявлял им, что он записан в церковный приход и исповедует по старому месту жительства.

Мы видим, что Артемий, не будучи раскольник, отнюдь не спешил со своею исповедью в церковь. Он писал ее по какому-то внутреннему побуждению, а не под воздействием синодальных указов об обязательной церковной исповеди. Исповедь вне церкви, минуя церковную организацию, — дело давно знакомое для русских народных верований, для которых, как мы говорили в предыдущей главе, вообще известно обращение к Богу, минуя Церковь. Как подчеркнул при обсуждении архивного дела Артемия Сакалова один из моих учителей

академик Б. А. Рыбаков, поведение алтайского крестьянина XVIII в. генетически связано с проявлением тех же воззрений на исповедь у известных русских еретиков XIV в. стригольников, отвергавших церковную исповедь и практиковавших «исповедь земле». Церковь тогда приложила немало полемических усилий, доказывая, что подобная исповедь не может считаться действительной, что языческий взгляд на отпускание грехов землей противен православию.

Интересно, что тобольские духовные власти, завладев в результате обыска тетрадкой с исповедью крестьянина, решили использовать ее отнюдь не для того, чтобы привести Артемия к церковной исповеди, а для возбуждения уголовно-политического следствия над ним.

Сам текст исповеди до нас не дошел, но буквально по каждому ее пункту крестьянина дотошно допрашивали в Сибирской губернской канцелярии, и обширная запись этого допроса с разъяснениями А. Сакалова имеется в деле. В формулировке вопросных пунктов ясно различимы как традиционные штампы допросно-пытного ведомства, так и стиль грамотного крестьянина.

Яркое своеобразие этого допроса состояло в том, что в основу его были положены не привычные доносы или обвинения уголовно-политического характера, а интимная человеческая исповедь, рассматриваемая, впрочем, властями как некий самодонос. Известно, что христианская этика требует исповедоваться не только в деяниях греховных, но и в помыслах. Это дало тобольским следователям екатерининского времени возможность (редкую и в эпоху НТР с ее детекторами лжи) прочесть тайные мысли подследственного. Но были в исповедальной специфике и прискорбные с юридической точки зрения моменты: поразительная неточность в указаниях — кто, когда, где, с кем и что именно неподобающее сделал. Артемий чаще всего довольно условно, приблизительно описывал свои грехи, памятуя, вероятно, что все детали все равно точно фиксируются ангелами и бесами и будут предъявлены ему представителями преисподней после смерти. Представители просвещеннейшего губернатора сибирского Ф. И. Соимонова столь детальной информацией не располагали и пытались извлечь ее из подследственного. Артемий Сакалов стремился помочь им чем мог, конкретизировал и разъяснил на допросах немало эпизодов 30-ти и даже 50-летней давности, сумев при этом не назвать ни одного имени, кроме нескольких имен уже умерших людей.

Если бы мы судили об Артемии лишь по материалам проведенного на Алтае розыска о нем, перед нами была бы картина самой обычной крестьянской жизни. Он был государственным пашенным крестьянином Кунгурского уезда, родился в 1688 г., при проведении 1-й ревизии в 1722 г. «по желанию своему за происходящим тогда в Кунгуре хлебным голодом» он переехал в Сибирь и стал заводским

крестьянином демидовских Колыванских заводов. При передаче этих заводов в казну в 1747 г. он был переведен в деревню Кармацкую Белоярской слободы, потом жил в селе Касмалинском, в 1755 г. самовольно поселился на реке Чумыш, где прожил четыре года, но затем был возвращен в Белоярскую слободу, в деревню Малую Кармацкую. Следствие установило, что в бегах все эти годы он не числился, «под укрывательством» нигде не жил. Несмотря на эти формулировки его отношение к системе учета населения, связанного с проведением ревизий и взиманием подушной подати, не вполне ясно. От 1-й ревизии он ушел, как мы видели, на Алтай к Демидовым. Включена ли его семья в списки плательщиков по 2-й ревизии, следствию узнать не удалось. В исповедальной тетрадке Артемия есть упоминание о том, что одно время на Алтае он скрывался от каких-то чиновников, возвращавших беглецов с Алтая и Оби на Урал. Занимаясь крестьянским хозяйством, он все дальше сдвигался на юг, в мало освоенные места. Перед нами пример какой-то полулегальной миграции, не связанной с инициативой властей, но и без острых столкновений с ними. Историки сейчас спорят, что преобладало в крестьянском освоении Сибири, правительственные мероприятия по переселению или активные действия самих крестьян. Вероятно, пример Артемия Сакалова довольно показателен: как крестьянин он действует активно, все время ищет лучшие места для поселения. И в то же время это не беглец-одиночка, а крепкий, исправный хозяин, живущий своим домом, большой семьей. В Сибирь он пришел вдовцом, но вскоре женился здесь на вдовой дочери чаусского крестьянина И. Комлева и спокойно жил своим домом с женой, дочерью и тремя детьми его жены от первого брака. Соседи претензий к нему не имели.

Однако исповедь Артемия Сакалова, даже в передаче тобольских канцеляристов, рисует жизнь куда более яркую и красочную, чем следственный трафарет. Оказывается, еще до переселения в Сибирь «в молодых летах» он «ходил с артелью на Волге разбоем». Но весь этот живописный период его биографии дал ему материал лишь для одного покаяния: разбойники у какого-то жителя «для покражи живота (имущества. — Н. П.) сожгли дом ево и потом ульи ломали и мед вынимали и пчелы били»; иных грехов своей разбойнической жизни Артемий не вспомнил. Будущий алтайский крестьянин не раз ходил по Волге и в ином качестве — нанимаясь работником на купеческих судах. Впрочем, грань между подобными торговыми поездками и практикой артели разбойников не всегда ясно различима: «Да будучи ж он, Сакалов, в давних годах в русских городах на купецких судах в работе, с работниками, товарищами своими, под чужую избу мужика... подкапывались, и потом ис подполья рубахи и штаны муские и протчей шкарб, покрыв, унесли».

Артемий бывал работником и даже десятником на купеческих «лодьях», «дощаниках», «коломенках», возивших соль из Соли Камской в Нижний Новгород и другие города, на демидовских судах, вывозивших по Каме железные изделия с уральских заводов. В частности, он работал на кораблях известного купца и солепромышленника Суровцева. Вспоминая связанные с этими поездками грехи, А. Сакалов пишет в своей исповедальной тетради о пьяных драках с поножовщиной и убийствами между такими же артелями работников, о том, как, будучи десятником на «лодье», он спас от наказания своего работника, убившего ударом кулака работника другой «лодьи» при случайном столкновении двух судов на Волге. Артемий устроил работнику своей «лодьи» побег, «и за то взял он, Сакалов, себе с того умершего мужика шубу и заработные его денги».

Приказчики, руководившие сплавом соли на лодках, нередко воровали соль и продавали ее в обход государственной монополии. Однажды Артемий донес об этих плутнях властям. Любопытно, что алтайский старец-селянин, вспоминая в кругу семьи об этом эпизоде полувековой давности, решил включить его в свою сугубо неофициальную исповедь, чтобы покаяться в доносе как в грехе. Между тем, с точки зрения как митрополита Павла, так и Сибирской губернской канцелярии, это был достойный похвалы поступок, обязанность доброго гражданина. По исповедальным законам XVIII в. пастыри духовные должны были на исповеди побуждать пасомых к совершению подобных поступков, а в случае их отказа даже доносить на них светским начальникам. В этом пункте крестьянская исповедь весьма далека от церковных и государственных требований.

В молодости Сакалов нанимался не только на купеческие корабли, но и на копку слюды в Верхотурском уезде к подрядчику крестьянину Хайдукову. Занимался он до переезда в Сибирь и еще одним, весьма специфическим промыслом — «бугрованием», раскапыванием древних курганов с целью грабежа захоронений. У него был наставник в этом деле, «мастер», как почтительно называет его Артемий. Мастер этот владел и другим полезным мастерством, ради обучения которому и нашел его Артемий: он умел «делать манеты». Но фальшивомонетчиком Сакалов стать не успел, он не начал даже учиться этому (и покаяние приносит лишь в злом умысле, а не поступке): обоих увлекла подпольная археология, они «ходили по разным местам серебро бугрывать», и однажды «мастера до смерти бугром задавило».

Позднее в Сибири белоярский крестьянин А. Сакалов вернулся к своему юношескому увлечению, а в исповедальной тетради появится запись: «Да на Обе ж бугры копал для искания серебра и золота, и лежащие иноверных в тех буграх кости ломал и лежащее при тех мертвых серебро и золото и другие вещи обирал и оным корыстовался».

Академическая наука XVIII в. проявляла, как известно, немалый интерес к сибирским «бугровщикам» и их добыче; об этом свидетельствуют и правительственные указы, и деятельность академических экспедиций. Но в ведомстве высокообразованного Ф. И. Соймонова тайные раскопки Сакалова вызвали лишь один, типично консисторский вопрос: не принадлежали ли кости, которые «ломали» грабители древних могил, христианам. Артемий решительно заверил следователей, что кости были «иноверными», и в Сибирской губернской канцелярии сочли вопрос исчерпанным.

Хронология грехов в исповеди А. Сакалова настолько сбивчива и противоречива, что подчас трудно судить о последовательности основных событий его биографии. Мы не знаем точно, накануне своего переселения в Сибирь или вскоре после него Артемий почему-то оказался в плену в Хиве: «...как он, Сакалов, назат тому лет с сорок был в полону у хивинского царя, то о верной ему службе приведен был по их вере к присяге и потому он в книшке своей написал, что неистинной крест целовал. А потом он, хивинской царь, при отпуске его, Сакалова, ис полону во отечество свое, велел за себя милостину подавать и Бога молить». В своей исповеди Артемий каялся в выполнении этого повеления хивинского царя, считая грехом, что он целовал крест «о верной службе», молил Бога и подавал милостыню «за царя нечестиваго». Именно эти слова исповеди и возбудили бдительность барнаульского духовного заказчика: Д. Комаров увидел здесь столь привычные для раскола оскорбительные характеристики особ российского царствующего дома как «царей нечестивых» и поспешил возгласить «слово и дело». В Сибирской губернской канцелярии приняли объяснение А. Сакалова, что речь шла о царе Хивы.

Сибирский период жизни Артемия менее красочен. В основном он занимался хлебопашеством (которого не оставлял и до переезда в Сибирь), охотился на степного зверя и на белку, ездил на Ирбитскую ярмарку. При всей своей традиционно-сибирской тяге к перемещению подальше от властей Артемий как-то умел налаживать податные отношения. Когда не удавалось избежать уплаты податей, он оформлял эту уплату по старому месту жительства, находясь подчас уже достаточно далеко от него. В хозяйственных делах у него был немалый авторитет, на некоторое время он даже был выбран крестьянами Белоярской слободы «у зборных казенных крестьянских денег счетчиком». Но на этом месте он вел себя не вполне согласно с крестьянским кодексом чести. Сакалов записал в своей исповеди, что однажды, взяв с одного из старост взятку, он не сделал его общине обещанной поблажки при денежном сборе. (Артемий кается не в получении взятки, а в неисполнении обещанного.)

Страсть к дальним путешествиям сказалась однажды в предложении, которое как-то Сакалов сделал на берегу Оби бухарскому купцу: «...буди он, бухарец, даст ему живота, то он, Сакалов, к ним в Ургу поедет женицца и обрезацца по их закону». Купец не захотел финансировать вероотступничество, да и Артемий расценивал, кажется, это предложение больше как шуточное, хотя и покался в нем.

Хозяйство А. Сакалова было исправным, недоимок за ним не числилось, сам он был человеком сильным и смелым. Он гордился (а потом в этой гордыне покался), что однажды в схватке одолел троих. Дело это было, когда он один охотился в барнаульской степи: он заметил человека, который тайно вез с соляного озера соль, и задержал его. Но к тому подоспело на выручку двое его друзей. Втроем они напали на Артемия, но тот в схватке одолел их всех и даже, угрожая объявить на них «слово и дело» за нарушение соляной монополии, взял у них 50 копеек взятки за свое молчание. Кается он лишь в том, что этот случай исполнил его гордости за свою силу.

В исповеди Сакалова проскальзывают порою детали привычной крестьянской жизни. Вот он работает вместе с другими крестьянами Кармацкой деревни на «помочи», а его соседи работают на «помочи» у него, вот спорит с соседними крестьянами из-за охотничьих угодий под Колыванью и из-за сенных покосов.

Но за этими обычными сельскими сценами на страницах исповеди алтайского крестьянина все яснее встает нечто особенное: многие односельчане считали А. Сакалова тайным корреспондентом потусторонних сил, чуть ли не колдуном.

* * *

Исповедь и допрос А. Сакалова рисуют нам сложную картину крестьянского сознания, народных представлений о силах добра и зла. Эта картина хорошо согласуется с наблюдениями, сделанными в предыдущей главе, — наряду с традициями дохристианских славянских верований мы встречаемся здесь в первую очередь с переосмыслением христианской догмы, все с теми же чертами прагматизма народной веры, с пантеистическими представлениями о божественности всей окружающей природы, с внецерковной практикой обращения к божеству, с недозволенным обращением к силам князя тьмы.

В жизни А. Сакалова немалое место занимали заговоры — «заговорные», «присушные», «урошливые» слова. В своей исповеди Артемий восемь раз возвращается к совершению им магических заговорных действий, произнесению соответствующих формул, причем каждый раз он повествует о многократно повторявшихся ситуациях. Его описание этих ситуаций как в исповеди, так и на допросе крайне обобщено, оно не дает представления ни о точном числе их, ни о

тексте самих заговоров. Но заговорами Артемий занимался часто как для себя, так и для других — этому его греху в исповеди уделено гораздо больше места, чем прочим.

Удается узнать, что среди заговорных формул, применяемых А. Сакаловым, были непосредственно связанные со славянским языческим пантеоном. При аресте Артемия у него была обнаружена «бумашка на осмушке листа» с текстом одного такого заговора. Плохо разбиравшийся в предмете барнаульский духовный заказчик определил тему этой «бумашки» кратко и парадоксально: «О жидовском еретике Перуне». (Московский филолог Б. А. Успенский, объясняя эту странную формулу Дометия, полагал, что термины «жидовский» и «еллинский» в языке того времени могли обозначать вообще «языческий».)

Сам Артемий в начале своей исповеди, вспоминая о грехах детства и юности, записал: «Присушным словесам у незнаемого человека... с ызмладенчества ж училса, думая на каковую-либо девицу, чтоб с ней блут сотворить (эта формулировка — на совести чиновников Ф. И. Соймонова. — Н. П.), и для того вихорем молилса и Сатану отцом называл, дабы они допустили ево, Сакалова, до того блуда». Признавался Артемий и в том, что он «коледу кликал», толковал сны. Все подобные действия, как мы говорили в прошлой главе, всегда категорически осуждались Церковью как несовместимые с христианством. Так, Артемий Сакалов мог прочитать в весьма распространенной в то время Кормчей книге, содержащей тексты действующего церковного права, что еще по решению Лаодикийского собора (365 г.) за толкование снов полагалось 7 лет отлучения от церкви и епитимьи; по решению Трулльского вселенского собора (691 г.), «аще кто в болезни дерзнет призвати... ведуна или шепотника, или баб богомерзких варажей, или кудесник», тот подлежит пожизненному отлучению от церкви.

Заговоры, употреблявшиеся Артемием, включали в себя призывание помощи не только языческих богов, но и признаваемых христианским вероучением демонических сил. Артемий подтвердил на допросе, что, произнося «присушные словеса», он «сатану отцом называл»; в своей исповеди он записал: «...тех человек, которые с лукавыми во дятца, он, Сакалов, укорял и в тот грех после сам уклонилса». Помощь «лукавых», «черта» в его заговорах Артемий неоднократно подчеркивает и в исповеди, и на допросе. Этому обстоятельству, усиливающему действенность его колдовства, алтайский крестьянин явно придает особое значение. Предложенные А. Сакалову в соймоновской канцелярии «вопросные пункты» не оставляют малейшего сомнения в том интересном факте, что взгляды допрашивавших Артемия были в этом вопросе предельно близки к воззрениям алтайского крестьянина: у Сакалова тщательно, сохраняя всю средневековую серьезность, выпытывали подробности его обращения к нечистой силе.

В ответ на подробные детальные вопросы А. Сакалов, в частности, уточнял: «Да назат тому лет с тритцать гулящаго человека... на зло и грех поучил ево такой, что написав на бумаге присушныя и заговорныя слова, имена лукавых, именовав их святыми, и соборы их поминав, и молился им, чему он, Сакалов, учился в малых летех у незнаемого человека за плату урошливым словам, чрез их же, лукавых, заговаривалса, и на робят, и на себя наговаривал, и змию хоботистому, то есть диаволу, молился».

Хотя, в отличие от «еретика Перуна», за «лукавым», «змием хоботистым» православная догма XVIII в. признавала немалую силу и влияние на земные дела, обращение к этой силе было в глазах Церкви и государства тягчайшим преступлением. Как мы уже упоминали, во второй половине XVIII в. успехи просвещения приводили к постепенному смягчению суровых инквизиционных мер в таких делах, но наказание все же оставалось довольно тяжелым. Павел Конюсевич, например, в то же время, когда он занимался делом Артемия Сакалова, отстаивал в ответ на запрос Екатерины II справедливость приговора, осудившего в 1744 г. на пожизненное заключение двух несчастных, уличенных в составлении письменного договора с Сатаной.

Подобно Овчинникову, А. Сакалов не раз обращался с магическими заклинаниями к помощи не только нечистой силы, но и христианских святых, божества. Допрос алтайского крестьянина в канцелярии образованного екатерининского вельможи не оставляет сомнения в том, что и здесь такие обращения считались преступными. Отвечая на вопрос о том, как он учился заговорным словам (делал он это, кстати говоря, неоднократно и настойчиво, переменяв несколько учителей), Артемий рассказывал: «С ызмладенчества начал было он, Сакалов, учитьца у пришлого человека божественным словам, прилагаясь к Богу, прося его о помощи, как к началом ходити и мудровать надобно». Речь идет об известном уже нам заговоре о благоволении властей, вызвавшем в 1737 г. такой переполох в Тайной канцелярии. В Сибири в 1761 г. к делу отнеслись уже спокойнее, хотя и не преминули подчеркнуть криминальность подобного обращения Артемия к помощи Бога, Богородицы, святых.

Особой специальностью Артемия было заговаривание крови: заговорами и народными средствами он умел останавливать кровотечения, о чем трижды упоминает, перечисляя свои грехи. Последнее из этих упоминаний интересно той же темой обращения во время заговора к Богу: «...руду по Божественному писанию учился было заговаривати и для того господа нашего Исуса Христа, прилагаясь ему с верою, о помощи просил».

Казалось, Церковь могла лишь радоваться, если, например, раненый христианин, желая остановить кровь, обращался с горячей мо-

литвой к Христу, «прилагаясь ему с верою». Успех такого обращения как будто ничем не отличается от обычного христианского чуда, традиционного в древнерусской и византийской литературе. Между тем алтайский крестьянин считает бесспорным грехом призывание Христа при заговаривании крови, и тобольские следователи полностью согласны с ним. Противным ортодоксальному христианству является здесь и прагматично-потребительское отношение к божеству, идущее из глубины дохристианских времен, когда от почитаемого бога, к которому «прилагались с верою», ждали немедленного конкретного действия, а если требуемого результата не наблюдалось, можно было сразу же «приложиться с верою» к противному божеству, которое под влиянием христианства мыслится в виде «змея хоботистого» или под влиянием язычества в виде «еретика Перуна» (это через 800 лет после того, как Добрыня скинул Перуна в Волхов!).

Этот диапазон выбора помощников в заговорах А. Сакалова (Христос — дьявол — Перун) является нагляднейшей иллюстрацией всему сказанному выше о разных формах воцерковленного язычества в православном народном сознании того времени. Подобная же сложная смесь видна и в другой записи исповедальной тетрадки алтайского крестьянина: «В пьянстве с ызмладенчества по глупости своей, не разумея к чему, токмо у других посторонних людей прежде видал ворожбу бобами и Псалтырю, положи на хлеб перед образами Божиими, плесав и коледу кликав, чинил». Здесь смешаны воедино и языческие пляски, колядки, вошедшие затем в рождественский праздничный обряд, и гадания на бобах, и распространенное использование Псалтыри для ворожбы, и почитание христианских икон, и крестьянская ритуальная роль хлеба. Из формулы вопроса к этому пункту исповеди видно, что Артемий, несмотря на все смягчающие оговорки его ответа, не только наблюдал эти действия, но и сам совершал их.

В этой же тетрадке отразился один из древнейших обычаев людей считать, что перемена имени может избавить человека от дурного глаза, злой судьбы, болезни. Перемена крестильного имени, измена своему небесному покровителю — святому (кроме нескольких четко оговоренных ситуаций вроде пострижения в монахи) — вещь глубоко предосудительная для ортодоксального христианского сознания. Артемий кается в этом изменении как в грехе, однако параллельно выясняется, что он счел возможным совершить этот грех, чтобы избавиться от икоты. Напомним, что и в законодательстве, и в народном сознании XVIII в. «икотники», как и «кликуши», считались людьми, испорченными колдовством.

Важно понять, что в сознании Артемия нарушение им какой-либо нормы поведения отнюдь не отменяло для него эту норму, не

делало ее малозначимой. Понятия, требования и догмы официально-го православия занимали в его голове свое привычное место. Отобранные у него книги были самыми необходимыми для ежедневной домашней молитвы, его рукой были переписаны десятки листов из творений признанных православных авторитетов, включая Иоанна Златоуста. Хотя в ряде пунктов своего покаяния алтайский крестьянин проявил сильно не совпадающее с официально-церковным понимание греха, в большинстве случаев он кается именно в тех делах и поступках, каяться в которых всегда призывала Церковь. Недаром он переписал своей рукой православный «Чин исповедания». Он считал греховным нарушение поста и советовал одному из своих соседей исповедоваться у православного священника. Не раз в его исповеди звучат обычные, веками прививаемые Церковью оценки. И рядом с ними, подчас в одной и той же фразе, — свидетельства противоположные!

«Кресту Господню поругався тем, что на меди был вырезан, и думал, что молитва ему не можно, и потому ничем его называл и медию нарицал».

«У стоящей на дороге часовни замок изломал и денег дватцать пять копеек покрал» (Артемий ко всему прочему еще и церковный вор!).

«Во время бороньбы с ызмладенчества, егда кобыла ево, Сакалова, чюдь не задавила, то в то время по младоумию Бога матерно избранил».

«В ...смехотворении говорил, что Владыко человека лупит, а Никола видит и не отнимет». (Б. А. Успенский написал позднее в своей книге о почитании св. Николая Мирликийского на Руси, что в этой фразе сказался распространенный народный культ Николы как особого «русского Бога», кое в чем даже соперничающего с Христом.)

«И такое слово, не разумея к чему, говаривал с пьянства, что Бог знает, а мы, люди, более знаем, то ж и против силы Божии и ветру ходим».

«Спасовым образом назывался с пьянства своего по такому случаю, что в бытность ево у Соли Камской незнамо какой работной, подошед к нему, Сакалову, пьяной же и начал кланяться, чтоб он дал ему на вино три копейки, и на то он, Сакалов, ему сказал, что молись ему гаразнее, будто бы Спасу».

В Касмалинской деревне жил человек, который «за многих людей в судебных местах хаживал и все ему делалось». Артемий удивлялся, но вскоре узнал, что ходатай не чудотворец, а лишь ловкий взяткодатель. Артемий любил давать людям обидные прозвища: «свинья», «собака», «еретик», «язычник», «сатанин тайный уд» (эвфемизм тобольских канцеляристов) и даже таинственное «кошичье воскресенье». Решив поиздеваться над мнимым всемогуществом касмалинского

ходатай, он стал называть того... богом! Конечно, было бы весьма наивно полагать, что подобные выходки делали из А. Сакалова сознательного врага Церкви и религии. Мы лишь подчеркиваем, что молитвы и посты вполне уживались у Артемия с прямым богохульством, кощунством. Иногда крайние различия в его поведении проявляются в ситуациях очень сходных. С одной стороны — отмеченное выше хуление медного креста, с другой — яростное обличение соседа-крестьянина, хотевшего, чтобы Артемий наступил на крест, начертанный углем на полу. Суеверно-почтительное отношение Артемия к кресту в этом эпизоде превосходит все требования Церкви: в своей интимной, не для поповских глаз написанной исповеди Артемий раскаивается даже в том, что позднее «в неизвестности» наступал на то место, где когда-то был начертан углем крест.

В эту смесь православия и язычества, веры и суеверия, молитвы и богохульства пора ввести еще одну составную часть. Выше мы говорили, что А. Сакалов не был старовером. Однажды он даже донес на своего соседа крестьянина, что тот тайный «раскольник» («по нестерпимости той, что он имеющийся у него, Сакалова, сенные покосы отнимал»). На всех допросах в Барнауле и Тобольске Сакалов категорически отрицал свою принадлежность к старообрядчеству; следствие, проведенное на Алтае, не дало никаких аргументов в пользу предположения Д. Комарова о том, что А. Сакалов был «раскольником». И, однако, для подозрительности барнаульского духовного заказчика были определенные основания. Не говоря уже об упорном отказе Артемия от церковной исповеди (мы еще вернемся к этому), поимщикам алтайского крестьянина сразу же бросилось в глаза, что он настойчиво придерживается старинного двуперстия, а не «никонианского» троеперстия. На допросе в Барнауле он категорически отказался принять трехперстие, однако долгое путешествие с обнаженной шпагой над головой сделало его более покладистым, и в Тобольске он уже заявил, что крестится троеперстно. Книги и рукописи, отобранные у него при аресте, были вполне православными и в то же время очень характерными для личных библиотек старообрядцев, особенно «Чин исповедания миряном», обязательный и в поповщине, и в беспоповщине. Наконец, в исповеди Артемия, даже переданной тобольскими канцеляристами, всюду употребляется не «никонианская», а старообрядческая форма земного имени второй ипостаси Троицы — Исус, а не Иисус.

Опять исповедная книжка алтайского крестьянина свидетельствует о характернейшей черте народного сознания! Грань между старообрядцами и «никонианами» в крестьянской среде была не столь резкой, как думают многие. Не раз старообрядческая проповедь побега, антифеодалного протеста собирала в далекие горные и лесные

убежища толпы крестьян, старообрядцами себя не считавших. Отдельные элементы «старой веры» были распространены в крестьянстве далеко за пределами круга строгих ревнителей старообрядчества.

Кульминацией исповеди Артемия является его рассказ о прямом общении с силами преисподней — о дружеской его беседе с чертом. Недаром, несмотря на традиционную оговорку Сакалова, что дело происходило «в пьянстве», тобольские власти были серьезно заинтересованы этим рассказом. В ответ на настойчивое стремление Сибирской губернской канцелярии доподлинно выяснить, как именно удалось вызвать черта, какие слова говорил дьяволу крестьянин и что тот отвечал ему, А. Сакалов охотно поделился со столь внимательными слушателями некоторыми подробностями: «з гулящим человеком еретиком, прозванием Соловой, в деревне ж Касмале назат тому лет с тритцать пять пи-ровал, и на смех в пьянстве велел ему, Салавому, прислать к себе черта. И как он того черта привел к нему, Сакалову, в пьянстве ж, подав тому черту вина, и на смех спросил у него, черта, что он, знает ли ево, Сакалова, братьей? И он, черт, сказал, что знает. (Братья Артемия остались за Уралом, и в Сибири о них никто ничего не знал. — *Н. П.*). И потом тот черт ушел от них. И он, Сакалов, после ево, черта, той же чашей, которой он, черт, вино пил, пришедшему к нему, Сакалову, гулящему ж мужику христианину с вином же подал».

Позднее тот же Соловой однажды сказал, что в пойманных А. Сакаловым двух линей вселился «дьявол». В своей исповеди Артемий кается, что не поверил было этому и в результате все, отведавшие рыбы, «ошолудели».

В этих сценах нет и тени священного трепета перед князем тьмы и его слугами. Сам колорит рассказов Артемия заставляет скорее вспомнить фольклорных чертей, бесов народной сатирической литературы XVII–XVIII вв.

* * *

В очень популярном в XVII–XVIII вв. труде по русской истории — «Синописе», написанном известным киевским ученым монахом Иннокентием Гизелем, рассказывается, в частности, о шести языческих богах древних славян. Гизель пишет, что кое-где поклонение им дожило до его дней.

Из тобольского следственного дела А. Сакалова видно, что Артемий (конечно, без всякой связи с трудом Гизеля) поклонялся по крайней мере трем из этих богов — Перуну, Вихорю, Коляде. Вот что пишет «Синописис» о двух последних: «Подвизд, инии же прозваша его Похвист, неции Вихром, исповедающе нарицающе бога быти воздуха, ведра и безгодия»; «...идол Коляда, бог праздничный, ему же празд-

ник велий, месяца декабря в 24 день составляху. Обаче аще людие российстии и святым крещением просветишася и идолы искорениша, но нецы памяти того бога Коляды доселе не престають вспоминати, начелше от самага Рождества Христова по святых дни собирающеся на богомерзкия игралища, песни поют, и в них аще и о Рождестве Христове воспоминают, но zde же беззаконно и Коляду ветхую, прелесть диаволскую много потворяюще присовокупляют».

С самых первых листов следственного дела об исповедной тетради алтайского крестьянина бросается в глаза одно обстоятельство, не оставленное без внимания в Барнауле и Тобольске. Артемий три года трудился над составлением своей исповеди, раскаивался в своих грехах — и все эти три года, как и следующие три года до ареста, как и всю жизнь до этого, он старательно, с немалым для себя риском уклонялся от церковной исповеди, покаяния, причащения. Его заявление на первом же допросе, что грехи свои он записывал, чтобы покаяться в них священнику, было опровергнуто немедленно — ведь само дело А. Сакалова возникло первоначально из-за упорного его стремления избежать исповеди у приходского духовенства. Конечно, можно предположить, что он предпочитал ей исповедь у тайного старообрядческого наставника или священника. Однако старообрядческие черты в его религиозном сознании, на наш взгляд, не столь сильны, чтобы все можно было объяснить лишь этим. Артемий не спешил со своей исповедью в церковь не потому, что был фанатиком-старовером, а в первую очередь потому, что в немалой мере сознавал несовместимость с официальным православием языческих черт своего сознания, своего «общения» с силами преисподней. Его могли пугать суровые церковные и светские наказания за заговоры, ворожбу, колдовство, призывание Перуна и дьявола. Он мог бояться и того, что исповедь и причастие в церкви лишат его колдовской силы (вспомним, например, что перед ворожбой крестьяне часто считали необходимым снимать с себя нателный крест).

Во всяком случае, интересная нецерковная исповедь А. Сакалова (в чем-то напоминающая, как мы уже говорили, некоторые обычаи глубокой древности) позволяет увидеть, что именно сам крестьянин считал греховным. При этом в ярком человеческом документе, написанном крестьянской рукой, можно увидеть как влияние покаянных норм православия, так и традиционных крестьянских понятий о справедливости, добре и зле.

Донос властям, считает Артемий, — безусловное зло и несправедливость, независимо даже от того, ложный он или нет: крестьянин одинаково кается как в том, так и в другом. Раскаивается он и в том, что, взяв взятку, не сделал обещанного послабления крестьянам. Рас-

смаатривая пестрый список грехов Артемия, видишь, что в ряде случаев этические оценки крестьянина, мира и Церкви совпадают — Артемий осуждает свои многочисленные кражи, вымогательства, шантаж, поджоги (включая поджог своего собственного кунгурского дома, где он жил с первой женой: «...двор свой сожек, бежал, потому что та ево жена стала им, Сакаловым, гнушатца и намерена была окормить зельем»), даже убийство (бухарского торговца, с которым Артемий не сошелся на 4 копейки в цене волосяных вожжей и в возникшей драке «нащепом... череп з головы ево своротил»).

В исповеди встречаются, наконец, оценки, имеющие своим источником в первую очередь церковные представления. Это осуждение Артемием своих действий и помыслов, связанных с колдовством, ворожбой. Артемий понимает неправославность подобных деяний, к тому же причинение черной магией зла другому в конечном счете осуждается народной этикой. Но важнейшим для характеристики его сознания является то, что, называя эти свои действия грехом, он не спешит очиститься от этого греха суровым церковным покаянием и одновременно продолжает считать себя православным.

За свою семидесятилетнюю жизнь Артемий насчитал 58 грехов. Количественно, быть может, не так уж и много, хотя следует учитывать, что под одним пунктом здесь иногда упоминаются грехи, часто повторяемые, например: «Пиво и вино домашнее от жены своей втай крадывал и пивал». Нарушая, подчас многократно, какую-либо норму, этическую или даже уголовную, Артемий не считал свое поведение окончательным отступничеством от этих норм, от общепринятых народных убеждений. Артемий, несомненно, считал, что ему вполне присуще понимание справедливости, следование «Божьей правде». Поэтому вполне логична, при всей своей неожиданности для современного читателя, чеканная концовка этой живописной и пестрой «автобиографии»: «Возвышением и воином Христовом он, Сакалов, себя называл, потому что за правду в каком ни на есть деле умереть готов».

С этой фразой глубокой убежденности в правильности своих взглядов, их соответствии народной правде уходит от нас со страниц тобольского консисторского дела в свой последний побег алтайский крестьянин Артемий Сакалов — исходивший до этого изрядную часть Руси, служивший Демидову и хивинскому царю, занимавшийся хлебопашеством, охотой, копкой слюды, перевозкой разных товаров, «бутрованием» и многим другим. Нам не дано узнать, сумел ли он на 74-м году начать где-либо новую жизнь, укрываясь от консисторских указов об его поимке, рискнул ли он как-то связаться с семьей.